

УДК 94(47).083 «17/19»: 378.1
Doi: 10.26456/vtpsyed/2024.2.149

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ АКМЕОЛОГИИ В ПАЖЕСКОМ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРПУСЕ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Н.А. Патов

ООО «Издательство "Профессиональное образование"», г. Брянск

Статья посвящена одному из наиболее известных элитных учебных заведений царской России по подготовке высшего бюрократического состава империи. Рассмотрен процесс изменения ценностных ориентиров слушателей корпуса через призму формирования учебно-нравственных программ и внеаудиторных занятий. Подробно исследована картина институализации порядка определения конечных целей и задач формирования выпускника Пажеского корпуса. Дан ретроспективный анализ нормативно-правового регулирования образовательного процесса в указанной итерации.

***Ключевые слова:** элитные учебные заведения, особенности формирования мировоззрения, этимология учебного процесса, институализация образовательных программ.*

В современном обществе понятия «элитарное образование» и «привилегированное учебное заведение» связываются, как правило, с учебной системой Великобритании и США. С одной стороны, престижными считаются старейшие английские (Оксфорд и Кембридж) университеты или американские университеты, входящие в так называемую «Лигу плюща» (Гарвард, Принстон, Йель и т.д.). Престиж этих университетов, помимо многовековой истории, статуса весомой общественной корпорации, традиций, громких имен профессоров и выпускников прошлого, представителей истеблишмента, из поколения в поколение обучавшихся там, регулярно подтверждается высокими научными достижениями современных сотрудников и значительными карьерными успехами нынешних выпускников.

С другой стороны, к привилегированным учебным заведениям относятся прежде всего британские так называемые «публичные» закрытые школы: «Это не частные учреждения, но и не правительственные школы, а особые ассоциации, управляемые по своему статуту» [23, с. 3]. В 1970-х годах в Британии насчитывалось 260 таких школ, ученики которых составляли около 4 % от общего числа английских школьников [13]. Из этих 260 школ треть «считается более респектабельной, чем остальные, а внутри этой трети поистине элиту элит составляют наиболее старые школы: Итон (существует с 1441 г. – *Авт.*), Винчестер, Регби, Харроу»

© Патов Н.А., 2024

[13, с. 106]. Как писала в 1938 г. русская журналистка, писательница, общественный деятель А.В. Тыркова-Вильямс (1869–1962): «Некоторые из этих публичных школ, как Итон, Харро, Винчестер, Мальборо, существуют уже лет пятьсот. <...> Затем идут школы попроще, некоторые из них тоже старинные, принадлежащие средневековым гильдиям. Так, у цеха портных и у цеха ножовщиков есть свои очень хорошие школы. Наконец, есть и частные училища. Все вместе они составляют особую педагогическую оранжерею, где выращивают юношество, отмеченное тем, что называется духом публичных школ. Тон задает Итон. Оттуда идут манеры, произношение, интонации, необходимые атрибуты для того, чтобы молодому человеку было легче найти хорошее место в жизни» [23, с. 3].

Итон, Винчестер, Харроу – это закрытые мужские школы с высокой платой за обучение, позволяющей нанимать лучших преподавателей и, следовательно, обеспечивать высококачественное образование. Целью «публичных» английских школ является, по словам советского журналиста В.В. Овчинникова (1926–2021), воспитание джентльмена, тогда как «назначение джентльмена – возглавить и повести за собой людей в час трудных испытаний» [13, с. 101]. В 1827 г. реформатор частного английского образования Т. Арнольд провозгласил, что частная школа должна воспитывать у своих питомцев моральные принципы, джентльменское поведение и умственные способности [26, с. 102]. Как следствие, уже в конце XX века выпускника английской частной школы отличали «правдивость, самодисциплина, способность брать на себя ответственность, верность классовым представлениям о национальных интересах, готовность руководить», спортивность и хорошие манеры. Такой человек «готов служить государству, иногда идеализирует его. Он считает, что нужно ходить в церковь, хотя не обязательно делает это сам. Он верит в газету "Таймс" и в монархию» [13, с. 109]. А.В. Тыркова-Вильямс формулировала тот же самый набор характеристик проще: «Некоторый простой, но довольно здравый комплекс идей, куда входит верность королю и отечеству и основные правила порядочности» [23, с. 3].

Вместе с тем основное преимущество, которое дают своим питомцам английские «публичные школы», заключается в широких корпоративных связях среди правящих кругов, состоящих в значительной степени из выпускников тех же самых учебных заведений. Символом такой корпоративной солидарности является «старый школьный галстук». Таким образом, бывший ученик престижной частной школы «в толпе, будь то офицерские курсы или семинар промышленников, ...прежде всего ищет собратьев по галстуку» [13, с. 109]. Подобный навык также воспитывается в школе: «Система воспитания, сложившаяся в публичных школах, требует изоляции подростка не только от семьи, но

и от внешнего мира вообще. Считается, что лишь совместная жизнь в стенах интерната может привести к тому тесному и глубокому знанию друг друга, при котором эффективно прививаются и качества подчиненных, и качества руководителей» [13, с. 104].

Однако у английской системы образования – и прежде всего у привилегированных учебных заведений – есть важнейшая черта, которая в силу исторических обстоятельств не свойственна, например, российской системе образования. Если российское образование есть прежде всего государственный институт, формируемый политическим режимом для обеспечения его потребностей, то английское образование (по крайней мере в своей элитарной форме) является институтом общественным. Как писала в 1938 г. А.В. Тыркова-Вильямс: «В Англии нет государственных школ, нет министерства народного образования. До второй половины XIX века школы были частные или церковные» [23, с. 3].

Общественный характер самой распространенной на сегодняшний день системы элитарного образования обуславливает интерес к альтернативным вариантам того же самого явления. Так, российская система образования столетиями развивалась как серия государственных проектов, причем вызывавших минимальное сочувствие у общества. Тем не менее и в такой ситуации возникла потребность в привилегированных закрытых учебных заведениях, реализовавшаяся в первой половине XIX века в виде трех закрытых школ: Пажеского Его Императорского Величества корпуса, совместившего курсы кадетского корпуса и военного училища (интересно, что Морской корпус, имевший подобную структуру, к числу элитарных заведений не относился); Александровского (изначально Царскосельского) лицея и Императорского училища правоведения, совмещавших в себе курсы старших классов гимназии и юридического факультета университета [20]. Показательно, что если цитировавшийся нами выше советский журналист В.В. Овчинников назвал совокупность английских частных школ с Оксфордским и Кембриджским университетами «фабрикой джентльменов», то один из основных в советской историографии специалистов по дореволюционной интеллигенции, В.Г. Лейкина-Свирская, юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета назвала «фабрикой либеральных чиновников и либеральных юристов», а Пажеский корпус – «фабрикой высшей российской бюрократии» [8, с. 257]. Попробуем выяснить, какие цели ставили перед российским элитарным образованием государство и общество, какие факторы обуславливали само понятие элитарности в российской школе и как изменялась с годами постановка учебного и воспитательного процесса в привилегированных учебных заведениях императорской России.

Надо сказать, что в XVII – первой половине XVIII века в России существовало достаточное количество частных, монастырских,

епархиальных школ. Действовали здесь и пансионы – учебные заведения интернатского типа, создававшиеся главным образом иностранцами и привлекавшие русское дворянство возможностью освоить иностранные языки. По небольшому количеству учеников в каждом из указанных заведений их можно было бы считать элитарными. Однако институционального статуса престижной школы эти заведения не имели ни в обществе, ни с точки зрения государства. Такой статус в дворянском обществе имел как по качеству образования и воспитания, внутренней атмосфере, так и по служебным преимуществам своих выпускников, созданный по указу императрицы Анны Иоанновны 29 июля 1731 г. Сухопутный Шляхетный (первоначально просто кадетский) корпус в Петербурге. Но поступить в Шляхетный корпус мог, в принципе, любой дворянин, причем неимущим государство могло оплатить учебу и проживание.

Вместе с тем еще со времен Петра Великого при российском дворе существовал институт пажей – мальчиков и юношей благородного происхождения, в чьи обязанности входило обслуживание (в значительной степени ритуальное) членов императорской фамилии. Сам статус пажа был элитарен. Как писал один из пажей: «Право быть определенным пажом к Высочайшему Двору считалось особенной милостью и предоставлялось только детям высших дворянских фамилий» [3, с. 17]. Помимо благородного даже по сравнению с большинством дворян происхождения, для кандидата в пажи требовалась на вполне официальном уровне протекция.

30 сентября 1759 г. должность гофмейстера пажей получил французский барон Теодор-Анри (Федор-Генрих) де Чуди (Шуди) (1724–1769), ранее занимавший должность секретаря Московского университета и считавшийся крестурой создателя и куратора этого университета, а также куратора Шляхетного корпуса И.И. Шувалова. В Европе Т.А. де Чуди имел репутацию авантюриста и даже сидел в тюрьме, но также был известен своими педагогическими сочинениями [21]. Уже в начале октября 1759 г. Т.А. де Чуди подал своему непосредственному начальнику, гофмаршалу Высочайшего Двора К.Е. Сиверсу «мемориал» из двенадцати пунктов, содержащий первую внятную программу обучения и воспитания российских пажей.

По мнению Т.А. де Чуди, главной задачей воспитания пажей являлось развитие в молодых людях даров духа, нрава и тела. Попечение о дарах духа заключалось в воспитании разума и памяти, а также в обучении наукам, но не сухим и педантичным, «которые только до школ касаются», но дающим верное представление обо всем, что относится к практической жизни как военного, так и гражданского человека. К таким наукам Т.А. де Чуди относил французский, немецкий и латинский языки, правописание, историю, географию, геральдику, а также, при желании воспитанников, физику, геометрию, фортификацию и алгебру. Конечной

целью данного сегмента воспитательной программы должна была стать выработка «людей способных для гражданской и военной жизни» [12, с. 24].

Попечение о дарах духа должно было сделать пажей «истинными патриотами и братьями». Т.А. де Чуди полагал, впрочем, что в силу своего благородного происхождения пажи уже получили все нужное в этом случае от своих предков, а педагогу осталось лишь привести семейные предания пажей в систему и закрепить. Телесное воспитание пажей заключало в себе занятия верховой ездой, фехтованием, танцами, рисованием и музыкой, что считалось «научениями», приличными дворянству [12, с. 25].

Несмотря на то что Т.А. де Чуди уже на следующий год после назначения к пажам отпросился в отпуск за границу и в силу своего авантюрного характера в Россию не вернулся, «заведенные им порядки держались» в Пажеском корпусе «очень долго» [12, с. 30], а стимулирование в процессе воспитания обозначенных бароном начал оставалось актуальным, пожалуй, до 1917 г.

Качеством образования тем не менее Пажеский корпус тогда не блистал. «Корпус отличался удивительной многопредметностью, но оканчивавшие его воспитанники ничего, кроме светского лоска, из него не выносили», – писал в начале XX века биограф писателя А.Н. Радищева (1749–1802), обучавшегося в Пажеском корпусе с 1762-го по 1766 г. [9, с. 211].

В 1765 г. для переустройства Пажеского корпуса академику Г.Ф. Миллеру (1705–1783) был заказан новый учебно-административный план заведения. Согласно этому плану, Пажеский корпус превращался в гражданское высшее учебное заведение, лишь по желанию воспитанников допускавшее военное образование для отдельных лиц [15]. На то, что этот план не был реализован, указывает хотя бы такое обстоятельство, что до конца своего существования Пажеский корпус оставался формально средним специальным учебным заведением.

Как бы то ни было, но даже академическое вмешательство не исправило положения дел с качеством образования в Пажеском корпусе. Обучавшийся здесь с 1790-го по 1796 г. Н.П. Брусиллов вспоминал, что пажей, разделенных по возрастам на 4 класса, учили: «В первом [классе]... русской грамоте и начальным правилам арифметики; во втором – греческому, латинскому, немецкому и французскому языкам, грамматике, древней и новой истории, географии и арифметике и алгебре; в третьем продолжались те же предметы и, сверх того, преподавали геометрию, минералогию, учили фехтованию; в четвертом классе – высшие науки и фортификацию. Танцевальный и рисовальный классы были общие. Верховой езде обучали в придворном манеже» [1, с. 46]. При этом мемуарист подчеркивает: «Справедливость требует сказать, что учили очень небрежно. Учили по-гречески и по-латыни, но едва ли кто из нас умел читать по-латыни и едва ли кто знал греческую азбуку от

альфы до омеги. Немецкий и французский языки также были в небрежении, и если кто из нас знал что-нибудь, то только те, которые брали частных учителей. <...> Мы славились шалостями; были даже такие пажи, которые вовсе не ходили в классы; другие брали особых учителей, не полагаясь много на познания своих» [1, с. 50].

В правление императрицы Екатерины II для пажей появилось важное служебное преимущество. Н.П. Брусилов вспоминал, что в 1790-х «тех, которые были познатнее, производили в камер-пажи; и это был важный шаг, ибо из камер-пажей выпускали в гвардию поручиками, что тогда равнялось майорскому чину. <...> Пажи, которые пробыли в корпусе более 9 лет, выпускались в армию капитанами, наравне с сержантами гвардии; а те, которые служили менее десяти и более шести лет, выпускались в армию поручиками. Пажам производилось жалованья 37 рублей 60 копеек в треть, да на мундир ежегодно по сту рублей» [1, с. 51]. Сам Н.П. Брусилов 14 лет от роду выпустился в декабре 1796 г. поручиком в Московский гренадерский полк [1]. В то же время в жизни пажей появился ритуал, взятый из обихода средневекового европейского рыцарства и положивший начало формированию у российских пажей самосознания, уподобляющего их сообщество рыцарскому ордену. Н.П. Брусилов вспоминал: «Производство в камер-пажи имело характер рыцарский. Паж преклонял колена, государыня дотрагивалась рукою до его щеки, вручала ему шпагу» [1, с. 51].

10 октября 1802 г. император Александр I утвердил документ под названием «Учреждение Пажеского корпуса» [15]. Этим актом было положено начало существованию Пажеского корпуса как закрытого военно-учебного заведения и в последующем именно 10 октября 1802 г. считалось официальной датой основания корпуса. В названном документе воспитательная задача корпуса формулировалась таким образом: «Пажеский корпус есть училище для образования нравов и характера, ...в котором имеют быть преподаваемы нужные офицеру познания; ...корпус сей есть совокупно таковое воинское установление, где благородное юношество чрез воспитание приуготовляется к воинской службе строгим повиновением, совершенною подчиненностию и непринужденным, но добровольным выполнением должностей своих. Будущее счастье и слава сих молодых дворян зависит от упомянутых обстоятельств» [15, с. 292–293]. Прямых указаний на привилегированность Пажеского корпуса в этом документе нет, за исключением того, что учебное заведение предназначалось для дворян, а положение камер-пажей определял лично император [15].

В служебном отношении пажи делились на четыре отделения с обратной нумерацией, от четвертого к первому. Первое, или старшее, отделение составляли камер-пажи, а возглавлял гофмейстер или штаб-офицер. Во главе прочих отделений стояли офицеры, каждый из которых имел квартиру рядом с дортуаром (общежитием) вверенных ему пажей.

Служба пажей при этом стала напоминать придворные караулы гвардии, а от лакейских по сути функций прислуживания за столом высочайших особ пажи были избавлены. Как вспоминал о своей службе паж начала XIX в., «пажи часто требовались во дворец к высочайшим выходам. Их расставляли по обеим сторонам дверей комнат, чрез которые должна была проходить императорская фамилия. В этом случае особенно забавны были маленькие пажи. С завитою, напудренною головой, с большой треугольной шляпой в руке, они гордо стояли, с важной миной сознания своего достоинства».

В учебном отношении пажи делились на четыре класса с обычной нумерацией. Перевод из класса в класс, производство пажей в камер-пажи и в офицеры были результатом аттестации, подписанной офицером соответствующего отделения и инспектором классов, которые за справедливость оценки воспитанника несли личную ответственность [19].

В дисциплинарном отношении особое внимание уделялось соблюдению субординации. За серьезные проступки паж мог быть отправлен с чином унтер-офицера (сержанта) в полевой армейский полк или отослан к родителям как «недостойный своего звания» (что произошло, например, в 1816 г. с будущим поэтом Е.А. Баратынским). Офицер пажеского отделения имел право арестовать провинившегося пажа. Предполагалось, хотя и не называлось в документе прямо, и телесное наказание, которое предписывалось осуществлять публично, в присутствии директора корпуса, офицеров и воспитанников. Для поддержания порядка и пропускного режима в Пажеском корпусе действовала своя полиция, состоявшая из двух унтер-офицеров. К ведомству корпусной полиции относились и прислуживавшие пажам «дядьки» [15, с. 299–300].

Вместе с тем уже к 1815 г. среди пажей фиксируется формирование собственного неформального корпоративного самосознания. На этот процесс влияло, с одной стороны, участие в придворных ритуалах, восходящих к рыцарскому средневековью, а с другой, то обстоятельство, что под Пажеской корпус был занят Воронцовский дворец в Санкт-Петербурге. До пажей во дворце располагались рыцари древнего Мальтийского ордена, которым покровительствовал император Павел I. Специально выстроенная для рыцарей Мальтийская капелла стала домовою церковью Пажеского корпуса (церковь Рождества св. Иоанна Предтечи в Пажеском корпусе). В этом храме на черных мраморных досках были помещены фамилии воспитанников корпуса, погибших в сражениях начиная с 1812 г. [12, с. 67].

Как следствие, пажи ощущали себя наследниками мальтийских рыцарей, а восьмиконечный мальтийский крест стал гербом Пажеского корпуса. Генерал-майор Б.В. Геруа (1876–1942), выпускник Пажеского корпуса 1895 г., преподававший позже в своей альма матер, писал по

этому поводу: «Асфальтовый дворик отделял здание корпуса от католической церкви Мальтийских рыцарей времен Павла I. Присутствие этой церкви повело к тому, что пажи присвоили себе девизы этих рыцарей, их красивый белый крест как эмблему корпуса и стальное кольцо, подбитое золотом. Эмблема кольца была: "Тверд, как сталь, чист, как золото". Оно надевалось при выпуске, причем снаружи гравировали "один из стольких-то", а внутри, по золоту, – год выпуска и фамилию» [5, с. 128]. Уже в первой половине XX века наблюдалась такая картина: «Обращение на "ты" сохранялось не только во время пребывания в [Пажеском] корпусе, но и по его окончании, так что бывшие пажи, даже в высоких чинах, заметив на мундире беленький мальтийский крестик – значок корпуса, даже к незнакомому обращались на "ты", как к однокашнику» [12]. Как видим, корпусной значок в виде мальтийского креста играл в среде российской аристократии ту же роль, что и «старый школьный галстук» в британском истеблишменте. Б.В. Геруа вспоминал о сложившемся в русской гвардии «круге друзей» из бывших пажей, также наподобие описанного выше английского: «Между пажами установился дух равенства, взаимного уважения и приличия. Дух этот они уносили с собой в жизнь и прежде всего в те полки, куда выходили. Некоторые полки гвардии – как стрелки Императорской Фамилии, Преображенцы, Кавалергарды – были почти сплошь "пажескими". Там для них как бы продолжался родной корпус» [2, с. 21].

Вот что вспоминал о корпоративном самосознании пажей паж 1815–1819 гг. обучения, в дальнейшем генерал-лейтенант и тульский губернатор П.М. Дараган (1800–1875): «Нравственное настроение пажей было особенно замечательно. Почти все сыновья аристократов и сановников – пажи из своих семейств – приносили в корпус и укореняли тогдашний лозунг высшего общества "noblesse oblige" (положение обязывает) и щекотливое понятие о "point d'honneur" (дело чести). Гордясь званием пажей, они сами более своего начальства заботились, чтобы между ними не допускался никто, на кого бы могла падать хотя тень подозрения в каком-нибудь неблаговидном проступке. Не так страшно было наказание, ожидавшее виновного от начальства, как то отчуждение, тот остракизм, которому неминуемо подвергался он среди своих товарищей. Во время этой опалы товарищи не приближались к нему, не говорили с ним. Только маленькие пажи-задоры вертелись около него, дразнили, а он должен был молчать и терпеть» [3, с. 779–780]. Интересно, что подобному бойкоту мог быть подвергнут сообществом бывших пажей их прежний товарищ по корпусу – как, например, в 1920-х гг. перешедший на сторону большевиков генерал-майор А.А. Игнатъев.

Высочайшим повелением от 24 июня 1832 г. сословная элитарность Пажеского корпуса была закреплена законодательно. Отныне в Пажеский корпус принимались «по собственному Его Императорского Величества избранию и по особым уважениям сыновья военных и гражданских

чиновников первых четырех классов» по Табели о рангах. Если число кандидатов в пажи значительно превышало число вакансий, то принимались «впредь до уменьшения числа кандидатов» только сыновья генералов и гражданских чиновников первых трех классов [20, с. 679]. В последующем данная норма была скорректирована: с 28 сентября 1868 г. в Пажеский корпус принимали сыновей генералов и чиновников первых трех классов [16]. 5 января 1889 г. это ограничение было подтверждено [9]. В Императорском Александровском лицее (бывшем Царскосельском) существовал к началу XX века подобный ценз – туда принимали молодых людей «дворянского сословия, и их отцы или один из дедов должны были быть в звании действительного статского советника или генерал-майора» [11, с. 25].

Вместе с тем качество обучения в Пажеском корпусе в 1815–1819 гг., так же как и в XVIII веке, оставляло желать лучшего. П.М. Дараган вспоминал: «Что же касается до научного образования, то в то время и мы, как и все, по меткому изречению Пушкина, учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь. В Пажеском корпусе науки преподавались без системы, поверхностно, отрывочно. Из класса в класс пажи переводились по общему итогу всех баллов, включая и баллы за поведение, и потому нередко случалось, что ученик, не кончивший арифметики, попадал в класс прямо на геометрию и алгебру» [2. С. 112]. В Пажеском корпусе не было в 1815 г. ни библиотеки, ни физической лаборатории. «Главное начальство мало интересовалось нами», – писал П.М. Дараган [17, с. 113].

Но при этом близкие по месту службы к пажам офицеры и чиновники отличались особенной душевностью. Как рассказывал тот же П.М. Дараган: «Один наш гофмейстер, полковник Клингенберг, был к нам близок и жил нашею жизнью. Это был душа-человек, простой, ласковый, симпатичный, хотя крикливый. Пажи любили, уважали и боялись его, но круг его деятельности был ограничен наблюдением за порядком и приготовлением пажей к военной службе» [7, с. 114].

Во второй половине XIX века структура Пажеского корпуса и других российских привилегированных учебных заведений была реформирована в рамках глобальной модернизационной политики правительства императора Александра II. В частности, согласно «Положению о Пажеском Его Императорского Величества корпусе» от 28 сентября 1868 г., корпус был разделен на общие и специальные классы. Обучение в общих классах было рассчитано на 5 лет, и программа их соответствовала пяти старшим классам военных гимназий (в которые были преобразованы тогда кадетские корпуса). Курс двух специальных классов Пажеского корпуса соответствовал курсу военного училища. В корпус зачислялись теперь молодые люди в возрасте от 16 до 18 лет [10, с. 292]. Воспитательная задача Пажеского корпуса в Положении 1868 г. формулировалась так: «Пажеский корпус имеет целью доставить детям заслуженных родителей воспитание и военное

образование, необходимое преимущественно для службы в войсках гвардии» [3, с. 75]. Положение о Пажеском корпусе от 5 января 1889 г. несколько скорректировало структуру и задачи учебного заведения. Так, увеличилось до семи количество общих классов, полностью теперь воспроизводивших программу кадетского корпуса (военным гимназиям тогда же было возвращено наименование кадетских корпусов). Специальных классов осталось по-прежнему два.

С 1865-го по 1868 гг. в Пажеском корпусе расширяется набор приемов, воспитывающих патриотизм и воинский героизм, корпоративную солидарность, стимулирующих пажей к успехам в учебе. Что касается последнего случая, то в Положении 1868 г. определено: «Имена камер-пажей, выпускаемых из старшего специального класса и получивших по всем предметам преподавания наибольший средний балл, при полных баллах в поведении, помещаются на мраморную доску корпуса» [18, с. 196]. Доски эти были закреплены на стенах большого актового зала Пажеского корпуса. Этот зал к 1875 г. превратился в своеобразный музей славы корпуса. Здесь находилась белая мраморная доска в честь двух питомцев корпуса, удостоенных ордена св. Георгия 3-й степени за оборону Севастополя и вид Севастополя, написанный и подаренный корпусу И.К. Айвазовским. Здесь же на стенах были развешаны несколько десятков портретов бывших пажей, ставших кавалерами ордена св. Георгия 4-й степени, в витринах хранились реликвии, подчеркивавшие связь императорской фамилии с корпусом. Кроме описанных реликвий, во дворе здания Пажеского корпуса находился сад, каждое дерево в котором было посажено одним из бывших пажей, о чем гласили закрепленные здесь же таблички [12].

Вместе с разделением Пажеского корпуса на общие и специальные классы в учебное заведение стали поступать для завершения среднего специального военного образования воспитанники других кадетских корпусов. И одновременно стала формироваться система отношений между старшими и младшими, которая получила название «цуканье», или «подтяжка», а в современной России известна как «дедовщина». Этот порядок применялся только в специальных классах, где старший класс «подтягивал» младший. Генерал-майор Б.В. Геруа вспоминал: «Муштра, которой щеголяли училища и которая принимала вычурные формы, была в наших условиях неприменима и отсутствовала. Ее место заняла со второй половины 19-го века так называемая "подтяжка" младшего класса старшим. Юноши соседних классов, бывшие товарищами и на "ты", при переходе в 1-ю роту превращались в ней – одни в начальников, другие – в подчиненных, опять-таки половина на половину. Старший класс переходил на "вы" с младшим и мало-помалу присвоил себе право "тянуть молодежь", или "зверей", как их называли в Николаевском кавалерийском училище. Нужно думать, что весь этот необыкновенный институт "подтяжки" был

заимствован из этого училища. Дурно или хорошо, но эти отношения прочно установились; офицеры их приняли в качестве удачного дополнения к своей власти...» [2, с 212]. Будущий генерал-лейтенант советской службы А.А. Игнатьев, поступивший в младший специальный класс Пажеского корпуса после окончания Киевского кадетского корпуса, в своих мемуарах несколько возмущенных страниц посвятил пресловутому «щуканью» [6].

Парадоксально, но такой порядок, прижившийся также в Императорском училище правоведения [14] и в значительно облегченной форме в Александровском (бывшем Царскосельском) лицее [10] был, вероятнее всего, заимствованием из системы воспитания в английских публичных школах. Дело в том, что реформировавший с 1827 г. воспитательный процесс в этих школах доктор Т. Арнольд добавил в арсенал средств воспитания, наряду со спортом, систему старшинства, или внутренней субординации. Эта система наделяла старшеклассников значительной властью над младшими товарищами, вплоть до права наказывать младших розгами [13]. По крайней мере то, что спорт попал в систему воспитания российских пажей в подражание англичанам, признается самими бывшими пажами в мемуарах [2].

Тем не менее качество образования в Пажеском корпусе находилось под вопросом даже тогда, когда учебный процесс в Александровском лицее и Императорском училище правоведения был отлажен образцово. Генерал-майор Б.В. Геруа вспоминал: репутация «убежища светских бездельников и шаркунов» держалась за Пажеским корпусом до 1870–1880-х гг., пока ситуацию не переломил назначенный в 1878 г. директором корпуса опытейший военный педагог, генерал от артиллерии Ф.К. Дитерихс (1831–1899). За 16 лет его директорства в учебном процессе и воспитательной работе изменилось многое: «Чтобы окончательно покончить с легендой о ничтожной сущности привилегированного корпуса, он твердо принял за пажей и еще тверже за учительский и воспитательный персонал. Подобрал к рукам и тех, и других, и третьих, он выдвинул корпус на место, действительно отвечавшее его привилегиям и оправдывавшее их. Приглашались лучшие учителя, которым платили больше, чем в кадетских корпусах. В специальных классах читали лекции несколько профессоров военных академий. Инспектором классов был... профессор военный инженер Кирпичев, один из известных тогда математиков. <...> Управлять пажами было нелегко. За многими из них стояла влиятельная и сильная родня. При слабом и уступчивом директорстве это вело бы к потаканиям в отношении одних, а у других к сознанию неравностей в обращении начальства. Ф.К. Дитерихс поставил всех на одну доску. Учебные отметки, поведение и характер служили единственным мериллом для выдвижения. Раз навсегда, например, было установлено, что в старшем специальном классе после назначения фельдфебеля, который выбирался не только за ученье, но и за волевые и

внешние качества, два (или три) камер-пажа назначались к Императрице (или Императрицам) строго по старшинству баллов» [2, с. 20–21].

В 1970-х гг. два старых петербуржца, окончивших до революции, соответственно, петербургские же университет и институт инженеров путей сообщения, рассказывали: «Не беремся мы говорить о быте в закрытых учебных заведениях типа Императорского лицея, Училища правоведения, Кадетского (Пажеского) корпуса. Там быт был своеобразен и недоступен для стороннего глаза. Но, встречаясь с выпускниками этих учреждений, мы каждый раз убеждались, что образование они получили отличное» [5, с. 17].

Эта оценка из уст двух старых интеллигентов интересна еще и потому, что ни лицеисты, ни правоведы, ни тем более пажи не относили себя к интеллигенции. Так, бывший паж А.А. Игнатъев вспоминал: «В поисках более культурной среды я попробовал было возобновить знакомство с интеллигентной киевской еврейской семьей Киришбаумов, где встречались музыканты и писатели, но с первых же вечеров почувствовал, что моя белая фуражка и шпага делают меня чужим в их среде. Высший петербургский свет знал об интеллигенции, которой была так богата наша северная столица, только понаслышке...» [6, с. 118]. Для лицеистов слово «интеллигент» вообще было синонимом безвкусыя и невоспитанности. Писатель Л.Д. Любимов (1902–1976), воспитывавшийся в Александровском лицее с 1915-го по 1917 г., пишет: «Между народом и нами существовала еще прослойка, состоявшая из людей, у которых, по нашим понятиям, ...вкуса не было. В прослойку входила интеллигенция. Наши отцы презирали этот термин и никогда не применяли его к себе. Ведь не было же его в пушкинские времена! <...> Мы говорили про кого-нибудь:

– Это типичный интеллигент, он не бреется каждый день, ест с ножа и дамам не целует руки...

Или:

–Это не настоящая дама, это интеллигентка, она называет свою фамилию, когда ей представляют мужчин» [10, с. 231].

Интеллигенция в долгу не осталась и устами одного из своих авторитетных представителей, просветителя и библиографа Н.А. Рубакина (1862–1946), назвала в 1910 г. Пажеский корпус фабрикой «высшей российской бюрократии». Это определение, как мы показали ранее, прижилось в советской историографии. Однако в 1970-х крупный советский историк, специалист по истории государственной службы в России П.А. Зайончковский (1904–1983), на основе проанализированных им 348 составленных в 1903 г. формулярных списков представителей высшей российской бюрократии (членов Государственного совета, Комитета министров, сенаторов, товарищей министров, директоров департаментов и губернаторов) выяснил, что из указанного числа чиновников лишь 13

человек (то есть около 4 %) окончили Пажеский корпус [4]. Напомним, что тот же процент составляли в 1970-х гг. ученики английских «публичных школ» от общего числа британских учащихся.

В целом же российские привилегированные учебные заведения играли примерно ту же роль, что играют их аналоги в Англии до сих пор, с поправкой на изменения политической системы. Однако то обстоятельство, что российские привилегированные школы, в отличие от британских, были сформированы государством для государственных нужд, по количеству воспитанников малочисленны, они влияли на общество лишь в той мере, в какой позволяло им, с одной стороны, служебное положение воспитанников, с другой же – корпоративные связи питомцев. Такое положение дел привело к тому, что уже после февральской революции 1917 г. и падения породившей эти школы государственности российские элитарные учебные заведения оказались без особого общественного резонанса упразднены. Установившийся позже большевистский режим, считая опасной корпоративную сплоченность воспитанников элитарных школ, развернул против них целенаправленный террор, о чем свидетельствует, например, печально известное «Дело лицеистов» 1925 г. [22]. Культ же «пушкинского лицея», сложившийся в позднесоветское время на основе идеологически ангажированной литературы, практически ничего общего с историческим прототипом не имел и лишь придавал советской школе некий романтический флер. Впрочем, Пажеский корпус, если не считать организаций потомков пажей в эмиграции, вообще никакого весомого следа в общественном сознании современной России не оставил.

Список литературы

1. Брусилов Н. П. Воспоминания Н. П. Брусилова / Предисл. В. Ф. Боцяновского // Исторический вестник, 1893. Т. 52. № 4. С. 37–71.
2. Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. I. Париж, 1969, 277 с.
3. Дараган П.М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини (императрицы) Александры Федоровны. 1817–1819 гг. // Русская старина. 1875. Т. 12. № 4. 882 с.
4. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.
5. Засосов Д.А., Пызин В.И. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков. Записки очевидцев. М., 2003. 220 с.
6. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М., 1955. 597 с.
7. Левшин Д.М. Пажеский корпус за сто лет. 1864. 718 с.
8. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. 368 с.
9. Лосский А. Радищев, Александр Николаевич // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением А.А.Половцова. Притвиц – Рейс. СПб., 1910. 382 с.
10. Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент, 1979. 383 с.

11. Мейер Ю.К. Смутные годы // Новое русское слово. (Нью-Йорк.) 1981. № 25(404). 13 января. С. 24–29/
12. Милорадович Г.А. Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества Корпуса. 1711–1875. Киев: Тип. М.П. Фрица, 1876. 262 с.
13. Овчинников В.В. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах. М., 1980. 300 с.
14. Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV-й Государственной Думы. Париж, 1927. С. 54–56.
15. Добрышин Н.Ф. Об училище, давшем России П.И. Чайковского // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1967. № 19681. 27 января. С. 2.
16. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗ). Т. XXVII. СПб., 1830. № 20452. С. 301.
17. ПСЗ. Собр. 2. Т. XLIII. Отд. 2. СПб., 1873. № 46288. С. 280.
18. ПСЗ. Собр. 3. Т. IX. СПб., 1891. № 5689. С. 264.
19. ПСЗ. Собр. 2. Т. XLIII. Отд. 2. С. 286.
20. ПСЗ. Собр. 2. Т. XLIII. Отд. 2. СПб., 1873. № 46288. С. 281.
21. Руководство для родителей, желающих определить малолетних детей в военно-учебные заведения... СПб., 1839. С. 344.
22. Строев А.Ф. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 330.
23. Телетова Н.К. «Дело лицеистов» 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 115–131.
24. Тыркова[-Вильямс] А.[В.] Английская молодежь. (Письмо из Лондона) // Сегодня. (Рига.) 1938. № 356-2. 25 декабря. С. 3.

Об авторе:

ПАТОВ Николай Александрович – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор; исполнительный директор ООО «Издательство «Профессиональное образование» (241007, Брянская обл., г. Брянск, ул. Дуки, д. 65, оф. 105); e-mail: patovnabryansk@mail.ru

INSTITUTIONALIZATION OF ACMEOLOGY IN THE PAGEANT HIS IMPERIAL MAJESTY'S CORPS (LATE XVIII-EARLY XX CENTURY)

N.A. Patov

LLC Publishing House «Professional Education», Bryansk

The article is devoted to one of the most famous elite educational institutions of Tsarist Russia for the training of the highest bureaucratic staff of the Empire. The process of changing the value orientations of students of the corps through the prism of the formation of educational and moral programs and extracurricular activities is considered. The picture of institutionalization of the procedure for determining the final goals and objectives of the formation of a graduate of the Corps of Pages has been studied in detail. A retrospective analysis of the legal regulation of the educational process in the specified iteration is given.

Keywords: *elite educational institutions, peculiarities of worldview formation, etymology of the educational process, institutionalization of educational programs.*